

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

**«Внучатный племянник, или
Остановка дилижанса»,
«Чудные приключения и
удивительное морское
путешествие Пьетро
Дандини»**

«Содержание пьесы Пикара, впрочем презабавное, слишком скудно для комедии в пять актов; его было бы достаточно для водевиля или маленькой комедии в стихах; это веселая шутка, довольно игриво исполненная, но чрезвычайно растянутая сочинителем и прекрасно переведенная покойным А. И. Писаревым. Пьеса вообще была разыграна довольно удачно; молодого адвоката, вместо г. Мочалова, играл г. Ленский недурно...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
«Внучатный племянник, или
Остановка дилижанса»,
«Чудные приключения и
удивительное морское
путешествие Пьетро
Дандини»

«Внучатный племянник, или Остановка дилижанса»

**Комедия в пяти действиях, в прозе
Пикара, перевод А. И. Писарева**

«Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини»

Волшебная опера-водевиль в трех действиях, перевод с французского г. Ленского, и разнохарактерный дивертисман.

Бенефис г-жи Львовой-Синецкой 16-го января.

Содержание пьесы Пикара, впрочем презабавное, слишком скудно для комедии в пять актов; его было бы достаточно для водевиля или маленькой комедии в стихах; это веселая шутка, довольно игриво исполненная, но чрезвычайно растянутая сочинителем и прекрасно переведенная покойным А. И. Писаревым. Пьеса вообще была разыграна довольно удачно; молодого адвоката, вместо г. Мочалова, играл г. Ленский недурно; но зато приятеля его, военного офицера Дервиля,

играл г. Бантышев весьма плохо. Неотъемлемый его талант для ролей комических весьма невыгодно выказывался и в Дервиле. Роль г-жи Синецкой (она играла актрису Сенанж) неважна и могла быть выполнена лучше. Она играла благородно и ровно всю свою роль, а ей бы следовало сначала играть бойкую французскую актрису-субретку, а потом, когда она представляет вымышленное лицо наследницы, внушительную сестру настоящего наследника, Ласуша, то надобно больше аффектации, больше явного притворства и манерности, ибо глупого Ласуца обманывать должно крупными, так сказать выпуклыми, чертами; тонкому, искусному притворству, похожему на истину, он скорее бы не поверил.

Г-н Баранов был весьма натурален в роли дурного актера; г-н Афанасьев играл доктора Монришара порядочно, но мы ожидали от него лучшего исполнения. Г-н Щепкин был очень хорош в роли Ласуша, купца, торгующего лесом; можно, однако, заметить, что он напрасно покашливал, пожимался и вообще, так сказать, поддавал пьесе излишнего комического жару. Мы знаем, что это значит: он

боялся, что комедия покажется скучною; но, несмотря на доброе намерение, этого похвалить нельзя. Гг. Живокини и П. Степанов выполнили неважные свои роли прекрасно.

Волшебный водевиль «Пьетро Дандини», несмотря на фарсы автора, а может быть, и переводчика, весьма забавен: в нем много остроумных, колких и даже глубоких мыслей, завернутых в шутовские слова; приметно было, что иных намеков зрители и не поняли в настоящем смысле, тем более, что не ожидали их в волшебном и вздорном водевиле; перевод очень хорош: проза разговорна, и некоторые куплеты написаны легко и замысловато; жаль, что встречается довольно плоских шуток и каламбуров. Нельзя не похвалить г-на переводчика за благородное употребление своих досугов; встретить в актере образованного человека, с успехом занимающегося переводом театральных пьес, хорошо делающего стихи – весьма приятно. Хотя перевод водевилей дело неважное, но приобретение разговорного языка не безделица. Желаем от души дальнейших успехов г. Ленскому.

В этом водевиле была важная достоприме-

чательность: это декорации подводных чертогов Амфитриты, работы г. Брауна. Вот артист, которым московский театр по справедливости может гордиться! Это было истинное очарование! Восхищенные зрители встретили громкими рукоплесканиями новое и прекраснейшее произведение мастерской кисти нашего отличного декоратора. Многие утверждают, и мы согласны с ними, что ни в Москве, ни в Петербурге не бывало такой декорации. По окончании водевиля г. Браун был вызван, после г-жи Синецкой, вместе с гг. Живокини и Бантышевым.[1]

Новые костюмы, сделанные по рисункам Локуэса, очень хороши; но нельзя не заметить, что Истина, Нереида, реки и речки были одеты по-домашнему; что драгоценные статуи, долженствующие явиться в великолепных волшебных чертогах последнего явления, весьма неприятно отличались от старой голубой залы слишком всем известной за комнату человеческой работы.[2]

Роль бабушки Дандини, превращающейся от живой воды в молоденькую девушку, занимала бенефициантка; дряхлую старушку

можно бы сыграть с большим искусством, но быть весьма хорошою драматическою актрисою и хорошо представлять карикатуры – дело разное. Впрочем, мы рады, что г-жа Синецкая отлично исполняет первое, а не последнее. Карикатура не характер, и карикатурист искусный – еще не артист и не актер. Г-жа Синецкая не поет, а потому она читала куплеты, и прекрасно. Восторг женщины, вдруг помолодевшей, она выразила отлично хорошо: с чувством и огнем. Г-н Живокини играл Пьетро Дандини с большим успехом. Еще поменее фарсов – и трудно будет пожелать лучшего исполнения этой роли. Г-жа Н. Репина, по обыкновению, была прелестна. Грех на сочинителе или переводчике, что он куплетом счастливого Пьетро возбудил в зрителях порок отвратительный – зависть. Несмотря на опасность прогневить г. Бантышева, несмотря на вызов публики, его прекрасный голос и комический талант, скажем, что он в роле Фретино, молодого мызника, сам не знал, кого играл: в одной и той же сцене он переменял тон, выражение и характер. Знатоки в музыке говорят, что он в пении не

успеваает... рано же г. Бантышев вздумал отдохнуть на лаврах!..

О прекрасных танцах на московском театре нечего и говорить. Заметим только, что г-жа Гюллень, к удивлению зрителей, никогда почти не танцует с г. Ришаром; но это не мешает ей отличаться между нашими лучшими танцовщицами, как Сириусу между звездами!

Бенефис был невелик, мы насчитали очень много пустых лож, особливо в бельэтаже. Удивляемся этому. Кажется, бенефициантка не менее прежнего заслуживала внимания и одобрения публики.

Вот несколько куплетов из «Пьетро Дандини».

Пьетро и Фретино попали в кита; первый по возвращении в свет хочет издать свое путешествие, журнал которого держит в руке. Он поет:

*Натуралисты, рот разиня,
Прочтут на первом здесь листе:
«Записки о китах Дандини,
Который сам сидел в ките».
А если сделать я успею,
Что эту книгу запретят:*

*Ее раскупят наподхват,
И тут-то я разбогатею!*

Фретино развел огонь в ките, жарит про-
глоченных им рыбок и припевает:

*Ей-богу, это презабавно,
Как все друг другу мы вредим:
Кит нас обоих съел недавно,
А этих рыбок мы съедим;
Для выгод собственных – творе-
нья
Один другого не щадят:
Всегда, везде без исключенья
Большие маленьких едят.*

Пьетро с товарищем провалились сквозь
брюхо кита и попали в подводные чертоги
Амфитриты. Нереида показывает гостям раз-
ные реки и называет их по именам.

Пьетро

*А это кто такой прелестный
И стройный кавалер?*

Нереида

*Узнай,
Что это в свете всем известный*

*Свидетель храбрости Дунай;
Он здесь историк между нами,
И, быв соседом мусульман,
Он с давних лет шумит волнами
О грозной славе россиян.*

Фретино уронил шляпу в источник живой воды – и старая дрянная шляпенка сделалась новою и прекрасною. Он поет:

*Твердят о новом то и дело;
А если посмотреть на свет:
Все в нем ужасно постарело,
И нового давно уж нет.
Известные поэты наши!
Чтоб новой мыслию блеснуть,
Не худо б вам творенья ваши
В живую воду окунуть.
Не худо бы!*

1830 года, января 22.

Примечания

Хотя должно сказать, что г. Браун предпочтительно заслуживал особого вызова, если вызов что-нибудь значит.

[^^^]

Найдутся люди, которые упрекнут нас в излишестве требований и скажут: и без того водёвиль стоит дорого; можно ли еще бросать тысячи для новых волшебных чертогов, для костюмов Истины, Нереиды, рек и речек!.. – Милостивые государи, вы правы, но зритель не хочет знать расходов и приходов дирекции, требует целого в исполнении, очарования полного.

[^^^]